

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ ПОЗИТИВИЗМА: ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДМЕТА И ПОНЯТИЙ*

Становление современной философии науки опосредовано рядом стадий ее предшествующей эволюции в формах опыта эпистемологической и логико-методологической осмысленности оснований математического естествознания с позиций позитивизма. Несмотря на убедительность аргументации, развитой позитивистской философией науки в пользу достоверности утверждений теоретического естествознания и математики, уже в начале второй половины XX столетия их претензии на объективность и истинность подвергаются нередко уничтожающей критике. Есть основания считать, что продолжающееся усиление тенденций релятивизации является выражением не столько трудностей внутренней логики развития науки, сколько изменением общественного отношения к ней вплоть до уподобления антропологически агрессивной доктрине.

Ключевые слова:

аналитическая философия, кризис в физике, кризис оснований математики, «лингвистический поворот», логический эмпиризм, методология, позитивизм, философия науки, эмпириокритицизм, эпистемология.

Султанов К.В., Корольков А.А., Пую Ю.В., Рабош В.А. Стрельченко В.И. Философия науки позитивизма: эволюция предмета и понятий // Общество. Среда. Развитие. – 2017, № 1. – С. 25–32.

© Султанов Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: child2000@bk.ru

© Корольков Александр Аркадьевич – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: a-korolkov@mail.ru.

© Пую Юлия Валерьевна – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: dgudi-spb@yandex.ru

© Рабош Василий Антонович – доктор философских наук, профессор, проректор по учебной работе, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: prorector_uch@herzen.spb.ru

© Стрельченко Василий Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: v_strelchenko@mail.ru

Становление современной философии науки как формы социокультурной осмысленности достижений математического естествознания и проистекающих из него технико-технологических практик в природе и обществе непосредственно связано с эволюцией позитивизма в духовном опыте Европы второй половины XIX – середины XX столетий. Основная проблема науковедения, связанная с влиянием позитивистской методологической стратегии в этой области, заключается в том, что данный подход ограничивает возможности трактовки науки в более широком социо-культурном, онтологическом и метафизическом контекстах. Демаркационная линия между наукой и философией, проводимая на различных этапах развития позитивистской традиции, оказалась достаточно гибкой и подвижной, что не позволило самому позитивизму реализовать собственную программу. Этот факт требует пересмотра и переоценки роли позитивистских идей в истории науки и на-

хождения новых оценок значимости науки в культуре. В настоящей статье делается попытка показать, в каких направлениях можно решить данные задачи.

В отличие от традиционной, т.е. позитивистской версии, современная философия науки отнюдь не ограничивается исследованием вопросов методологии, эпистемологии и логики научного познания [12]. В контекст так называемого «социологического поворота» был отмечен факт когнитивной зависимости науки от научного общества. Начало исследований в данном направлении было положено публикацией работы Т. Куна «Структура научных революций» в 1962 г., – событие, расцениваемое как отмечающее начало радикального поворота в понимании природы научной рациональности и перспектив, построенных на основе ее «изобретений» нынешних технических цивилизаций западного типа. С учетом многообразия условий социокультурного контекста в поле зрения философии науки оказались включенны-

* Исследование поддержано грантом РФНФ. Проект «Антропология инновационной деятельности и технологии формирования человеческого капитала», № 15-06-10698а.

ми ранее не совместимые с принципом «свободы от ценностей» проблемы этики, антропологии, аксиологии, политологии, риторики и даже этнографии науки, включая ее технико-технологические приложения [7, с. 33–46; 3]. Принципиальное значение имеет онтологический подход к проблеме развития научного знания, особенно с точки зрения понятия события, с учетом событийного характера научных открытий, влияющих на революционную трансформацию научных парадигм [9].

Более того, сама природа как непосредственный объект математического естествознания утрачивает свое референциальное значение и замещается едва ли не непроницаемой стеной выработанных в истории науки абстракций и продуктов искусственного моделирования и конструирования реальности. Отождествление природы с ее мысленными образами построенными средствами науки под влиянием и контролем произвола индивидуальных или групповых интересов, ознаменовалось предельной релятивизацией научного знания, переосмыслением и даже отказом от идеи истины как главной его цели и ценности [15].

Продолжающаяся дискредитация науки как объективного, претендующего на истинность обоснованного и достоверного знания – следствие ошибочных представлений о несовместимости когнитивных претензий науки с социальными, нравственно-этическими, этно-конфессиональными и др. условиями реализации ее познавательной активности. Широко распространенное в настоящее время мнение о непосредственно когнитивном значении факторов социокультурной детерминации научного познания не исключает возможность использования понятий истины и онтологической релевантности знания вообще, и научного знания в особенности [1].

Обращение к опыту истории позитивистской философии науки может служить не только убедительным тому подтверждением, но и необходимым этапом на пути понимания тенденций проблематизации предмета философии науки сегодняшнего дня, преодоления предпосылок и последствий дискредитации современной науки в жизни общества [2].

Возникновение философии как науки датируется серединой XIX века (У. Уэвелл, Д. Гершель, Дж. Ст. Милль, О. Конт, Г. Спенсер). Однако ее становление как дисциплинарно организованного направления философских исследований отно-

сится лишь ко второй половине XX века. Именно на этой стадии эволюции предмет философии науки конституируется в форме выдвижения на передний план и предельной актуализации вопросов прогресса науки и обоснованности ее претензий на роль едва ли не единственного источника объективных и истинных знаний о природе, человеке и обществе. Отсюда максимальная сосредоточенность внимания последних десятилетий на решении задач «демаркации», идентификации науки, природы научной рациональности, ее антропологического и социального смысла, условий построения историко-методологической модели развития науки с учетом особенностей ее аксиологических оснований и т.д. Несмотря на продолжающийся лавинообразный рост теоретической и практической значимости проблем современной философии науки, еще и сейчас на пути их разработки делаются лишь первые шаги, и существующее положение дел характеризуется «безбрежной» релятивизацией научного знания, а как следствие этого, – беспрецедентным усилением антисциентизма.

Нет нужды доказывать, что духовная ситуация современности, включая и достижения научного гнозиса, строится из конструктивного «материала» прошлого. Поэтому возможность ответов на острые вопросы философии науки сегодняшнего дня непосредственно связана с изучением ее истории.

Направление исследовательского поиска и круг проблем философии науки XX – начала текущего столетия определяются в значительной мере под влиянием идей позитивизма. Первые позитивистские доктрины середины XIX столетия были одновременно и первыми версиями философии науки.

В контексте впечатляющих успехов и беспрецедентного роста авторитета естественных наук, позитивизм приобретает вид интернациональной доктрины, однако по-разному включается в специфические культурные традиции. Вместе с тем, несмотря на проистекающие отсюда различия, все национальные формы позитивизма едины по узловым моментам своих исследовательских программ, а именно:

- в утверждении примата науки и естествонаучного метода перед всеми другими видами знаний (обыденных, художественно-эстетических, религиозных и др.);

- в абсолютизации принципа и закона причинности;

– в отождествлении законов общества и природы («социальная физика» и др.);

– в признании реальности и безграничности социального прогресса на основе достижений научной рациональности.

Исходя именно из этих соображений, Джон Стюарт Милль (1806–1873), английский философ, экономист и общественный деятель, один из родоначальников позитивизма, в своей 2-х томной «Системе логики» (1843) стремится обосновать вывод об опытным происхождении научных знаний, о безусловном приоритете индуктивного метода в познании природы и общественной жизни. По его мнению, постижение истины возможно лишь на путях согласования научно-познавательной деятельности с представлениями, во-первых, о единообразии природы, во-вторых, об опытном происхождении знаний, в-третьих, о том, что законы есть ничто иное как повторяющиеся последовательности. Согласно Миллю, позитивизм – это философия нового типа, призванная решать задачи систематизации, кодификации научных знаний и их освобождения от различного рода метафизических, чисто спекулятивных, не основанных на опыте построений.

Идеи позитивной философии систематически разрабатываются Огюстом Контom (1798–1857). Так же как Милль, он рассматривает все традиционные проблемы классической философии как утратившие рациональный смысл, преодоленные развитием новоевропейской науки, а потому и не имеющие права на существование. Это положение обосновывается ссылками на выдвинутый О. Контom закон 3-х стадий. В соответствии с этим законом, как известно, духовный прогресс человечества складывается из последовательности трех этапов, – теологического, метафизического (т.е. философского) и позитивного. На каждом из них доминируют и соответствующие духу времени методы познания, а именно, – теологический, метафизический и позитивный, или научный. Они не только различны, но и противоположны друг другу. Наука, как третья стадия духовной эволюции, сменяет предшествующие ей теологическую и метафизическую и является высшим достижением интеллектуальной истории человечества. Наука как система позитивного знания демонстрирует бесплодность предпринимаемых метафизикой попыток осознать первые начала и конечные причины всего сущего.

Главная задача позитивной философии, как ее определяет О. Конт, состоит в уяснении сущности и способов действия

универсальных естественных законов. Их открытие составляет цель научного познания, в противоположность ранее господствовавшим убеждениям о познании как выявлении причин, как первых, так и последних. Согласно Конту, универсальные законы управляют не только процессами природы, но и жизнью людей. Исходя из этих соображений общего характера, Конт впервые выдвигает и разрабатывает идею социологии как особой науки об обществе.

К числу основателей и крупнейших представителей первого позитивизма принадлежит и Герберт Спенсер (1820–1903). Он, так же как Милль и Конт, подвергает резкой критике не основанные на опыте построения умозрительной метафизики, стремится обосновать решающее значение научного метода как источника объективных и истинных знаний о мире и человеке. Идея постепенного эволюционного прогресса является доминирующим принципом его методологии. По его мнению, эволюция осуществляется посредством переходов материи от «...состояния неопределенности, несвязной однородности к состоянию определенной и связной разнородности, во время которых неизрасходованное движение претерпевает аналогичное же превращение...» [10, с. 8].

Это и есть процесс эволюции, который подчинен определенному ритму, но исключает возможность «скачков», революционных трансформаций в развитии природы и общества. Процессы интеграции и дезинтеграции, перехода от однородного к разнородному и от неопределенности к определенности, т.е. структурной упорядоченности, реализуются путем постепенного накопления мелких изменений, без катастроф и революций. Такое понимание сути дела было квалифицировано критикой XIX–XX вв. как «плоский эволюционизм». Согласно замыслу Г. Спенсера, позитивная философия должна иметь синтетический характер, интегрируя весь наличный комплекс научных знаний о мире и человеке на основе идеи эволюции, истолкованной в терминах материи, движения и силы.

Антиметафизические умонастроения первого позитивизма, его приверженность познавательным идеалам опытно-экспериментального естествознания и верованиям в непогрешимость требований индуктивного метода нашли выражение в логико-методологических и историко-научных исследованиях Д. Гершеля и В. Уэвелла, положивших начало становлению

28 философии науки как особого направления развития новоевропейской философии [3; 14]. Идеи основателей философии науки получили последовательную разработку в исследовании Милля.

Поскольку предметы научного познания отождествляются Миллем с данными чувственного восприятия, то есть ощущениями, то и «Система логики» приобретает вид чисто технической дисциплины, призванной выявлять и описывать психологические механизмы процессов мышления. Иначе говоря, в редакции Милля логика превращается из метода исследования явлений объективно существующего материального мира в раздел эмпирической психологии, изучающей технику мысленного комбинирования ощущений, их комплексов и т.д. Индукция, утверждает Милль в «Системе логики», – «ментальная операция вывода из знаний об одном или многих случаях, знания обо всех подобных по определенным свойствам случаях», это выведение «...из немногих подтверждаемых случаев, знания обо всех случаях определенного класса, похожих на предыдущие по существенным свойствам» [6, с. 257].

С целью различения существенных свойств от несущественных, выделения из последовательности сменяющих друг за другом свойств тех, которые взаимосвязаны устойчивым законом, Дж. Ст. Милль вводит четыре формы индуктивного метода: метод согласия, метод различия, метод сопутствующих изменений и метод остатков. Они, в сочетании с принципами каузальности и единообразия действия законов природы в прошлом, настоящим и будущем служат гарантией достоверности индуктивных обобщений. В силу принципиального сходства прошлого и будущего оказывается возможным «...из известного выводить неизвестное, из наблюдаемого, – ненаблюдаемое, из воспринятого или осознанного, – того, что еще не вошло в сферу нашего опыта» [6, с. 257].

Главные задачи научного познания, основанного на принципах индуктивного, или «экспериментального метода», сводятся Миллем к выявлению причинно-следственных связей и установлению фактов. Именно факты, а не вневыепытные чисто интеллектуальные конструкции образуют «живую ткань» научного поиска. История науки имеет кумулятивный характер и представляет собой непрерывный процесс накопления фактов о все более глубоких структурах, о все более существенных свойствах явлений природы и культуры. Вместе с тем, доказательство решающего

значения научного факта не исключает признания ограниченности индуктивного метода. Отдавая отчет о принципиальной ограниченности индукции в силу незавершенности нашего опыта, Милль рассматривает все полученные на ее основе знания как гипотетические, правдоподобные или проблематические, то есть выражающие всего лишь относительную истину.

Второй этап развития философии науки позитивизма оформляется под влиянием потребности разрешения проблем, связанных с кризисом оснований естествознания (физики) и математики на рубеже XIX–XX вв. Попытки его преодоления были предприняты, с одной стороны, самими учеными (Э. Мах, Г. Герц, А. Пуанкаре, П. Дюгем, А. Эйнштейн, М. Планк), а с другой – основателем «второго» позитивизма Э. Махом (1838–1916), а также философами Марбургской (Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер) и Баденской (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) школ неокантианства.

Продолжая традиции первого позитивизма, Э. Мах стремится обосновать непогрешимость теоретико-познавательных и методологических установок классического сенсуализма и эмпиризма (Ф. Бекон, Дж. Локк) на путях модернизации идеи «позитивной науки», выдвинутой Дж. Ст. Миллем и Д. Гершелем. Следует иметь в виду, что решение этой задачи осуществляется в условиях «революции в физике» и кризиса оснований математики, а значит, радикального размежевания и острой конфронтации эмпиризма и рационализма по широкому кругу вопросов эпистемологии, методологии и логики научного познания. Убедительность доводов в пользу вневыепытного происхождения математики и априорности ее утверждений (Г. Фреге, Б. Рассел, А. Пуанкаре, Э. Гуссерль), относительности пространства, времени и движения (А. Эйнштейн), множественности логик, принципиальной ненаблюдаемости квантово-механических объектов (М. Планк), осознается Э.Махом как необходимость переосмысления и совершенствования не столько теоретико-познавательных, сколько логических и методологических принципов науки первого позитивизма (Дж. Ст. Милль, Д. Гершель). В своей работе «Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования» (1905) Э. Мах наряду с отстаиванием взглядов Милля и Гершеля подвергает кантианские идеи Уэвелла о ведущей роли теории в научном познании едва ли не уничтожающей критике. С его точки зрения, следуя ошибочным утверждениям И. Канта о вневыепыт-

ном, априорном характере положений теоретического естествознания и математики, Уэвелл пришел «...к странному воззрению в очень простых вопросах естествознания» [5; с. 2].

Мах подчеркивает, что его взгляды не могут совпадать ни с представлениями И. Канта, ни Уэвелла в силу «...различия исходных точек зрения, исключаящих даже общую почву для споров» [5; с. 3].

Вместе с тем, учитывая критику феноменализма и эмпиризма Уэвеллом, и развитую к концу XIX – началу XX в. аргументацию в пользу конструктивной, творческой роли теории в научном познании, Э. Мах уже не ограничивается ее истолкованием только с позиции ранее выдвинутого принципа «экономии мышления». Согласно Маху, в научном познании как психофизическом процессе понятия теоретического мышления лишь по видимости отличаются от чувственных переживаний и выполняют отнюдь не творческую, а техническую роль экономии мышления в процессе адаптации мыслей к фактам и друг другу. Такие же задачи решаются как посредством «умственного», так и реально-«физического» эксперимента. В отличие от чувственных данных, данных наблюдения и эксперимента, как источников «позитивных» знаний, понятия теоретического мышления рассматриваются как система средств, обслуживающих потребности упорядочивания чувственно-наглядного опыта, его систематизации в целях «наименьшей траты сил» при его обозрении. Любые попытки использования когнитивных способностей теоретического мышления за пределами чувственного опыта чреваты метафизическими иллюзиями или, иначе говоря, – различного рода заблуждениями, не имеющими ничего общего с реальным положением дел.

Поскольку мышление и чувственное восприятие являются органичными частями человеческой психики, а между последней и психикой животных нет сколько-нибудь существенных различий, то научное познание истолковывается как «звено в непрерывной цепи биологического развития, начавшегося с первых элементарных проявлений жизни» [5, с. 10]. Целью научного мышления является ориентация в мире посредством установления адаптивного единства с ним. Так же, как и любые организмы, человек с его познанием и волей находится в состоянии изначального единства с природой, а события и процессы исторической динамики этого единства как раз и составляют, по мнению

Маха, содержание того, что мы называем «жизнь». В силу целостности психики и ее физиологической основы, они являются моментами непосредственного чувственного переживания, эмпирического опыта, который складывается из «нейтральных» по отношению к мышлению и бытию «элементов мира», или ощущений (цвета, запаха, вкуса, времени, пространства и т.д.). Их относительно устойчивые образования, т.е. «комплексы ощущений», возникающие в непрерывном потоке чувственных переживаний («опыта») представляют собой ни что иное как «вещи». Мышления как особой, несводимой к чувственности когнитивной способности, – просто не существует.

В итоге Э. Мах приходит к заключению, что объяснительные схемы «...индуктивной логики могут принести мало пользы» [5, с. 205], а кантовский ответ на вопрос о том, как возникла чистая математика «...кладет начало важного исследования» [5, с. 28]. Отсюда проистекает развитая Э. Махом аргументация в пользу заключения об «условности» положений теоретического естествознания и математики.

Идеи условности или конвенциональности как формы рациональной осмысленности и преодоления кризисных явлений в научном познании отстаиваются и развиваются одним из непрекращаемых авторитетов в области физики и математики рубежа веков Анри Пуанкаре (1854–1912). Достаточно указать, что к числу заслуг А. Пуанкаре принадлежит, во-первых, разработка независимо от А. Эйнштейна специальной теории относительности и ее представление в строгой математической форме, во-вторых, обоснование (в противоположность Миллю) положения о существенном различии физики и математики, математической и физической индукции, в третьих, выявление принципиальной важности интуиции в математике и др. Так, согласно Пуанкаре, физическая индукция основывается на представлениях об упорядоченности природы, а математическая, – на свойствах упорядоченности, проистекающих из гармонии разума. Физическая индукция – источник вероятностных, а математическая – необходимых знаний, охватывающих систему знаково-символических выражений и операций с ними, созданных математическим сообществом. Выступая против логицизма (Б. Рассел) и формализма (Гильберт) в основаниях математики, А. Пуанкаре сформировал основные принципы интуиционизма в математике, развитые в дальнейшем Брауэром.

Конвенционализм Пуанкаре основывается на убеждении, что исходные положения научных теорий (законы, постулаты) принимаются в результате произвольных соглашений членов научного сообщества в силу того, что удовлетворяют требованиям простоты, непротиворечивости, эффективности и т.п. Непосредственной предпосылкой формирования конвенционалистской модели науки Пуанкаре послужили предпринятые им попытки рационального истолкования проблемы множественности геометрий, или природы неевклидовых геометрий. Факт непротиворечивости неевклидовых геометрий и одновременно убежденность в их онтологической значимости (т.е. безусловности) подводят А. Пуанкаре к заключению об эквивалентности всех геометрий, а так же о том, что «... геометрические аксиомы не являются ни априорными синтетическими суждениями, ни опытными фактами. Они суть условные положения (соглашения)» [8, с. 40].

Апеллируя к мнению научного сообщества как источнику основоположений теоретической физики и математики, Пуанкаре вместе с тем дистанцируется от воззрений радикального конвенционализма, отрицающего объективное значение всех без исключения научных знаний. По его мнению: «...невозможна реальность, которая была бы полностью независима от ума... но то, что мы называем объективной реальностью ... есть то, что общо нескольким мыслящим существам, – а этим общим, – может быть только гармония, выражающаяся математическими законами. Следовательно, именно эта гармония и есть объективная реальность, единственная истина, которой мы можем достигнуть» [8, с. 158].

Такое, по существу инструменталистское, истолкование математики обнаруживает очевидную несовместимость с господствующими и всецело разделяемыми Пуанкаре, убеждениями об опытно-экспериментальной природе науки. Инструментализм – философско-методологическая позиция, основывающаяся на истолковании научных понятий, теорий и гипотез, норм морали, художественно-эстетических идеалов и др. в качестве орудий, или «инструментов» адаптации человека к окружающей среде. Не имея ничего общего с окружающей средой, эти «инструменты» используются с целью придания ей свойств определенности и упорядоченности, удовлетворяющих потребностям благоустройства жизненного мира человека. В философии науки инструментализм ис-

ходит из отрицания объективной значимости научных теорий, гипотез и идей и их трактовки всего лишь как средств организации и упорядоченности научных суждений, придания им вида логически взаимосвязанных, но ничего не отражающих в реальном мире, последовательностей.

Выход из этого затруднения Пуанкаре усматривает на путях изучения и выявления условий (онтологических, эпистемологических, методологических) взаимодополнительности геометрий, классической и неклассической физик, опытно-экспериментально установленных фактов и методов их логико-математического (теоретического) обоснования. Из такого понимания сути дела вытекают далеко идущие следствия. Так, в редакциях Маха принцип условности (или конвенциональности) законосообразных утверждений научной теории не только не исключает, но в силу требований «экономии мышления» предполагает возможность её объективного содержания. Пуанкаре же, разделяя взгляды И. Канта и Уэвелла по вопросу о важной роли теоретического мышления в научном познании, стремится использовать принцип «условности», конвенциональности в смысле зависимости описания объекта познания от субъективных особенностей его мысленной реконструкции. Отрицая возможность независимого от теории опыта, А. Пуанкаре тем самым выходит далеко за пределы провозглашенных первым позитивизмом философско-методологических идеалов «позитивной науки» (Дж. Ст. Милль, В. Уэвелл). Более того, считая, что в мире природы учёный наблюдает не существующие независимо от сознания явления и процессы, а продукты их логико-математического моделирования, Пуанкаре существенно дистанцируется и от позиций основателя второго позитивизма Э. Маха, который, признавая «условность» теоретических обобщений, тем не менее, отстаивает необходимость их эмпирического обоснования, как непрекаемого способа установления истины. В версии Пуанкаре понятие истины как соответствия научных знаний их предмету полностью утрачивает какое-либо познавательное значение. Сопоставление теории с реальностью расценивается как процедура в сущности бесполезная. Поскольку в природе теория видит только свое собственное отражение, то и выбор эмпирически эквивалентных теорий осуществляется конвенционально, в силу практической полезности и эффективной ориентации (адаптации) в окружающей среде.

Таким образом, в решении центрального вопроса философии науки, вопроса об истинности научных знаний различие позиций Маха и Пуанкаре достигает значений противоположности классической (Э. Мах) и неклассической (А. Пуанкаре) науки, знаменуя начало смены философско-мировоззренческих приоритетов научного поиска.

Однако несовместимость позиций Маха и Пуанкаре, хотя и затрагивает принципиально важные аспекты научного познания, при ближайшем рассмотрении оказывается лишь кажущейся. По своему образу мышления и пониманию высших телеологических задач познания и Мах, и Пуанкаре разделяют общие философско-методологические установки классической науки. Незыблемыми для них остаются убеждения, что, во-первых, наука развивается в направлении реализации некоего совершенно определённого познавательного идеала, а именно, – идеи детерминизма, во-вторых, значение теории в научном познании отнюдь не исчерпывается её инструментальной, вспомогательной ролью. Теория находится в сложно опосредованных отношениях с опытно-экспериментальными данными и является не второстепенным, а главным элементом стратегии научного поиска, в-третьих, развитие науки в её истории есть кумулятивный процесс поступательного, прогрессивного накопления знания о всё более фундаментальных законах организации и эволюции объектов исследования, и наконец, процесс научного познания осуществляется на основе выдвижения и смены гипотез, выбор и теоретический статус которых определяются конвенционально.

И если в вопросах теоретико-методологического и историко-научного характера взгляды Э. Маха и А. Пуанкаре нередко не только различаются, но и противоречат друг другу, то в области теории познания они совпадают до уровня неразличимости. Это убедительно продемонстрировал В.И. Ленин, посвятивший изучению и критике воззрений Э. Маха, Р. Авенариуса и А. Пуанкаре специальную, опубликованную в условиях лавинообразного роста влияния идей второго позитивизма на общественное сознание книгу «Материализм и эмпириокритицизм» (1909 г.). В трёх первых главах, посвященных теории познания и проблеме кризиса в физике, В.И. Ленин показывает, что рассматривая ощущения в качестве единственной и последней реальности, отрицая возможность независимого от них существования внешнего

мира, лидеры второго позитивизма не оригинальны в своих воззрениях и по существу всего лишь повторяют уже скомпрометировавшие себя идеи более ранних форм субъективного идеализма и агностицизма (Дж. Беркли, Д. Юм, И.Г. Фихте). Опираясь на результаты историко-философских и историко-научных исследований, а также на обобщение достижений современного научного поиска (Мах, Пуанкаре, Больцман, Герц, Гельмгольц и др.), В.И. Ленин развил убедительную аргументацию против релятивизации истины, сделав следующий вывод: «Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны» [4, с. 137].

Истинность научных знаний не является выражением ни чувственных переживаний субъекта познания, ни мнений отдельных мудрецов, или сколько угодно многочисленных научных сообществ. Истина есть продукт сложно опосредованного процесса отражения мышлением независимо существующего от него материального мира [11]. Полемизируя с Махом и отечественными эмпириокритиками, В.И. Ленин смог вполне обоснованно дезавуировать истинный смысл их не только теоретико-познавательных, но и онтологических утверждений. В кратких, точных, информационно емких определениях он дает следующую оценку сложившейся кризисной ситуации: «Мы спрашиваем, дана ли человеку, когда он видит красное, ощущает твердое и т.п., объективная реальность или нет? Если не дана, то вы неизбежно скатываетесь вместе с Махом в субъективизм и агностицизм. Если дана, то нужно философское понятие для этой объективной реальности, и это понятие давно, очень давно выработано, это понятие и есть материя. Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [4, с. 131].

Неразрешимость проблем кризиса оснований математики, множественности логик, наглядности в физике и др. с позиций эмпириокритицизма и конвенциализма мотивировала начало актуализации познавательного «арсенала» традиционной метафизики, а затем и попыток уяснения

32 | происходящих в науке перемен в рамках логического эмпиризма и аналитической философии [13].

Представим выводы проведенной работы. Исследование исторически релятивных и преемственно связанных форм «первого» и «второго» позитивизма подводит к необходимости, во-первых, признать факт существенных различий между ними в самих подходах к постановке и решению проблем философии науки. Если вопросы источников, познавательного значения, границ применимости, обоснованности и т.д. научных знаний рассматриваются первым позитивизмом в контексте анализа методологических альтернатив (индукция, дедукция) и идей ригоризации научного метода, то в центре внимания второго позитивизма (Э. Мах) оказываются задачи эпистемоло-

гической осмысленности методологических аспектов научного поиска. Во-вторых, наметившиеся в развитии позитивизма различия в понимании методолого-эпистемологических условий истины как цели и абсолютной ценности научного знания стали непосредственной предпосылкой ее релятивизации и начала радикальной смены приоритетов в постановке проблем достоверного знания: речь идет уже не о методах получения истинного знания, а о том, что такое истина. В-третьих, развитие наметившихся тенденций к сближению историографии и философии науки кладет начало сомнениям в справедливости убеждений о несовместимости когнитивных инициатив науки с социокультурными, нравственно-этическими, художественно-эстетическими и др. условиями их реализации.

Список литературы:

- [1] Балахонский В.В., Кудин В.В., Стрельченко В.И., Джегутанов Б.К. История и философия науки. – СПб.: УМВДРФ, 2012. – 447 с.
- [2] Вострикова Е., Куслий П. Неолиберализм в науке: подход STS // Эпистемология и философия науки. – 2015, № 4. – С. 105–127.
- [3] Гершель Д. Философия естествознания. – М.: УРСС, 2011. – 355 с.
- [4] Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. – 517 с.
- [5] Мах Э. Познание и заблуждение. – М., 1909. – 311 с.
- [6] Милль Дж.Ст. Система логики. – М., 1899. – 289 с.
- [7] Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век. Т. 2. – СПб.: Изд. дом «Мир», 2011. – 495 с.
- [8] Пуанкаре А. О науке. – М.: Наука, 1983. – 736 с.
- [9] Романенко Ю.М. Захваченность событием // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 2. – 2013. № 2. – С. 7–16.
- [10] Спенсер Г. Синтетическая философия. – Киев: Ника-Центр, 1997. – 513 с.
- [11] Стрельченко В.И. Проблема идентификации истинностных значений // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2015, № 175. – С. 105–115.
- [12] Стрельченко В.И. Традиция как форма организации инновационных стратегий научного поиска // Философия права. – 2014, №1 (62). – С. 11–18.
- [13] Стрельченко В.И. Философский скептицизм и антрополого-образовательный релятивизм // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2015, № 4. – С. 127–137.
- [14] Уэвелл В. История индуктивных наук. – СПб., 1867. – 813 с.
- [15] Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. – М.: АСТ, 2010. – 378 с.